

РАССКАЗЫ

Перевод с английского ВЛАДИМИРА ПОСТНИКОВА и ЮРИЯ ЗОЛОТАРЕВА

АНТИРУБРИКА

Букет дружб

В наши дни, мне кажется, журналы уделяют особенно много внимания воспоминаниям о великих людях, написанным теми, кто считает, что знал их. Очевидно, любой, кто хоть раз говорил с Шоу, Барри или Анатолом Франсом или получил от них единственное письмо, имеет право называть себя близким другом великого человека и писать о нём статьи на три тысячи слов по десять центов за слово.

Так почему ж тогда мне не подзаработать на увлекательной истории моих дружб с Генри Л. Менкеном, Элом Смитом, Уильямом Говардом Тафтом и Дороти Паркер? Покупайте! Продаю!

Г. Л. Менкена я впервые увидел зимой 1924 года. Знаменитый редактор и критик обедал с Эптоном Синклером Льюисом в баре, где из-под полы торговали спиртным. А я тогда сидел за одним столом с Томасом Харди. В ту пору на книжный рынок под его именем шло то, что фактически писал за него я.

— Кто этот человек? — спросил я Харди.

— Эптон Синклер Льюис, — ответил он.

— Нет, я имею в виду того, у которого на рубашке вышито «Г. Л. Менкен, Балтимор, Холлинз-стрит, 1524».

— А, этот, — сказал Харди. — Это Г. Л. Менкен.

— Г. Л. Менкен? — спросил я.

— Да, — подтвердил Харди.

— Стало быть, это Менкен, — произнес я.

— Да, — подтвердил Харди.

Мы с Менкеном больше не видели друг друга до следующей пасхи, когда я присутствовал на богослужении вместе с Джорджем Бернардом Шоу. В апсиде церкви я заметил чью-то знакомую фигуру.

— Что это за знакомая фигура там, в апсиде? — спросил я Дж. Б. Ш.

— Я попросил бы без... — начал Шоу, но, узнав человека, продолжал: — О-о, это же Г. Л. Менкен.

После этого я не слышал о Менкене ничего до тех пор, пока в июне прошлого года не получил от него следующее весьма характерное для его развлекательного стиля письмо:

«Дорогой сэръ, редактор «Американского меркурия» с сожалением ставит вас в известность, что возвращаемая вам рукопись ему не подходит».

Вот это иконоборчество! Типично по-мексикански! Кто, как не повеса от американской литературы, придумал бы смелую, нешаблонную фразу вроде «возвращаемая вам рукопись?»

Я всегда буду дорожить своей дружбой с Менкеном.

Мое первое знакомство с Элом Смитом состоялось в тот день, когда он беседовал *tête-à-tête* с двадцатью репортерами о запасах энергии реки Святого Лаврентия. Эл Смит оказался несколько не похожим на Менкена. Смит, например, свою фамилию пишет С-м-и-т, тогда как Менкен пишет М-е-н-к-е-н.

С губернатором Смитом мы сразу поладили.

— Что вы думаете о водной мощи реки Святого Лаврентия? — спросил я его.

— Я думаю, она огромна, — ответил он. — А вы что о ней думаете?

— Тоже думаю, что она огромна, — ответил я.

Эта духовная общность, это взаимное восхищение энергетическими возможностями реки Святого Лаврентия сделали нас с Элом Смитом закадычными друзьями.

В следующий раз я увидел его в Карнеги-холл, где он произносил речь. Я аплодировал. Он кланялся. Это мне в нём очень понравилось.

Мы переписывались. Я всегда буду хранить письмо, которое однажды получил от него.

«Дорогой сэръ, — говорилось в нём, — в ответ на ваше письмо от 12 с. м., в котором вы как внучатый племянник просите за вашу тетю Джулию Уэскорт (523 879), попавшую в результате бродяжничества в АП (Ауборн Призн¹, не Ассошиэтед Пресс), с сожалением

¹ Название тюрьмы.

сообщаю, что в этом деле ничем помочь не могу, потому что — а здесь я уже рад сообщить вам эту новость — мисс Уэскорт сбежала из АП во вторник вечером».

Мы всегда считали, что с его, губернатора Смита, стороны было очень мило так хорошо понять точку зрения тети Джулии.

Именно в Саратогe, штат Нью-Йорк, осенью 1908 года я впервые встретился с Уильямом Говардом Тафтом, который и тогда был Уильямом Говардом Тафтом. Я как раз продавал на станции газеты, когда он проезжал мимо в своем персональном поезде. Мистер Тафт спал в то время на своей полке, но мне он, и я не солгу, если скажу: он мне сразу понравился. Уильям Г. Тафт не сказал мне ни единого слова, которое поколебало бы восхищение, переполнявшее в тот день грудь маленького оборванного замухрышки на станции Саратогe.

В следующий раз я увидел мистера Тафта в Белом доме, куда меня привели вместе с пятьюдесятью другими учениками старшего класса нашей средней школы.

Помощник спросил мою фамилию и сообщил ее президенту, когда я пожимал руку последнего.

— Я в восторге, мистер Соломон, — сказал Тафт, и в его глазах сверкнули огоньки. Он шутил, делая вид, что и вправду не знает меня. Я ничего не сказал, только улыбнулся про себя. Я ведь понимаю шутку не хуже любого другого.

Я чувствую, что Уильям Говард Тафт был моим настоящим другом, и я всегда буду дорожить воспоминаниями о том времени, когда общался с ним.

Дороти Паркер! Какие видения вызывает в моей памяти эта фамилия!

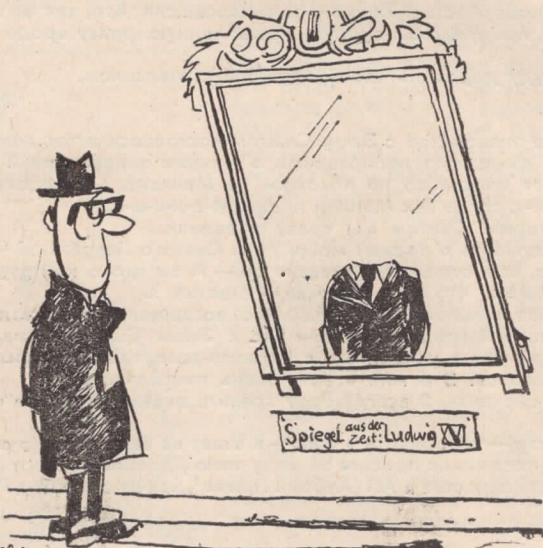
Впервые мы встретились с Дороти Паркер в каноэ у острова Стейтен. Она отдыхала после суматохи вашингтонской жизни. Тогда миссис Паркер была военным министром в кабинете Рузвельта и только что заключила договор Паркер-Понсфота-Хея, и впоследствии этот договор из-за того, что в его тексте было пропущено несколько важных запятых и тире (эти запятые потом нашли среди личных вещей миссис Паркер), вызвал Великую войну, в которой Франция, Англия, Соединенные Штаты, Бельгия и Италия боролись за общее дело против Дороти Паркер и Германии.

В то время она не была такой незаметной фигурой, какой является сейчас. В ней было верных шесть футов и три дюйма — это в одних чулках, без обуви. Тогда, в каноэ, я на мгновение принял ее за Иовину Хауланд, хотя Иовиной Хауланд миссис Паркер стала только на следующий год. Съежиться до ее теперешнего размера — пяти футов — миссис Паркер заставили заботы, вызванные войной. От нее у меня тоже есть письмо — дорогое и пахнущее фиалками:

«Мой милый проказник, не можешь ли ты приехать на коктейль, на этот дурацкий коктейль завтра в пять? Будет кое-кто из литераторов. Если не сможешь, то не пойдешь ли тогда хоть ненадолго к черту!»

Пусть люди говорят что угодно, но я до сих пор считаю, что Дороти Паркер была величайшей (после Джона Л. Салливена) фигурой среди всех удостоенных премий американских писателей, и я буду дорожить памятью о дружбе с ней до конца моих дней.

П. МАЛЛЕ.
Франция.
Зернало эпохи Людовика XVI

Почетная марша

Из дневника мисс Айрин Туайн

2 мая. Прочитала сегодня в газете, что комиссару Малруни хотелось бы, чтобы в полиции было несколько красивых девушек-детективов. Они должны втираться в доверие к преступникам, гангстерам и прочим блатным и таким образом разузнавать, кто совершил то или иное преступление. Хочу подать заявление. Сказала об этом Джеку. Он спросил, не сошла ли я с ума. Не понимаю, почему он должен диктовать мне все? Уж не потому ли, что мы обручены? Если уступить сейчас, что же будет потом, когда мы поженимся? Он, очевидно, считает, что для такой работы я недостаточно красива.

3 мая. Подала заявление на эту работу. Я еще покажу Джеку. Велели прийти завтра в управление полиции на проверку. Интересно, стоит ли надеть купальный костюм, в котором я выиграла соревнования по плаванию?

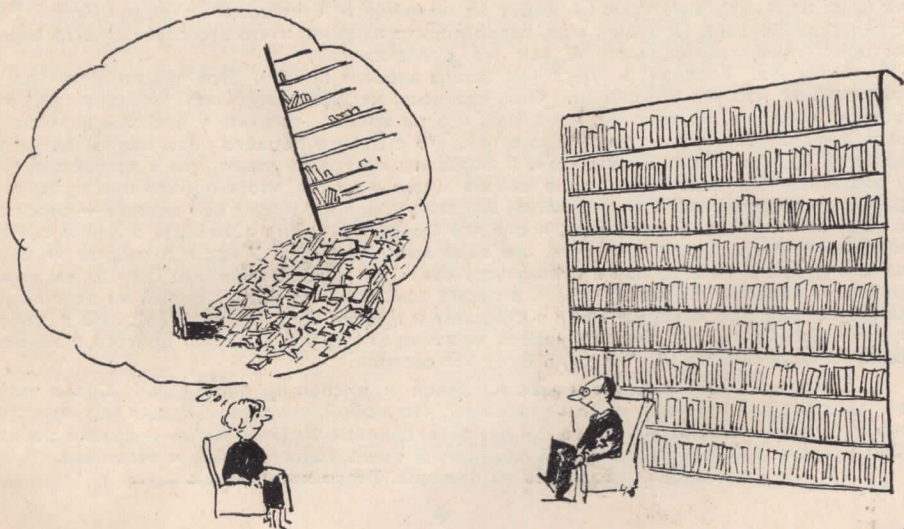
4 мая. Вот это день! Пошла рано утром в управление на проверку. Там было несколько других девушек. Какой-то инспектор обмерил нас. Он был ужасно нагл, но исключительно мил. Спросил, где я работала раньше, и я сказала, что до приезда в Нью-Йорк два года подряд была Мисс Толедо. Обмерив нас, он слегка ущипнул меня и сказал: «Похоже, сестрица, ты лучше всех». А как убивались другие девушки! И Джек! Когда я сказала ему, он прямо в ярость пришел. А мне плевать!

5 мая. Сегодня получила бляху. Теперь я всего-навсего рядовой детектив (хотя не такой уж рядовой), но инспектор Маккуферти уверен, что стоит мне только отказаться от крахмалов и сластей и скинуть несколько фунтов в бедрах, как меня сразу же произведут в сержанты. Завтра выхожу на работу.

6 мая. Сегодня получила назначение. Я должна посещать притоны, увиваться за гангстерами, пуская в ход свои женские хитрости, и выуживать у них секреты. Как Мата Хари. Мое первое задание — узнать, кто две недели назад украл с Уолл-стрит акций на 450 000 долларов и почему. Я спросила инспектора, что мне еще делать, а он посмотрел на меня и сказал: «Ну что ж, в свободное время можете узнать, кто убил Элзулла и Ротстейна и кто решил списать Винсента Колла». Когда я уже собралась уходить, он добавил: «Но не пытайся дознаться, кто застрелил Маккинли». «Ну что вы, — сказала я, желая, разумеется, произвести впечатление, — это меня вовсе не затруднит». Но он сказал: «Нет, для начала хватит. Тайной Маккинли ты сможешь заняться потом».

7 мая. Вчера вечером зашла в один притон. На мне был мой голубой фуляр и берет — просто шик. Познакомилась с увлекательным гангстером, Френчи Голландцем. Настоящее имя — Моу Кантроуитц. Ужасная кокетка. Сумела заставить его разговаривать о преступлениях, и представьте мое удивление, когда он вдруг наклонился ко мне, ущипнул меня под столом за колено и спросил: «Ты умеешь хранить тайны, сестрица?» Я сказала, конечно, умею. И он прошептал: «Тогда сохрани эту. Я убил Элзулла!» Я напустила на себя непроницаемое выражение, как у игрока в покер, и не выказывала никаких чувств, только выронила кошелек, опрокинула стакан и закашлялась. Я и не думала, что узнаю так много и так скоро.

В. РЕНЧИН.
ЧССР.
Без слов

10 мая. Оказывается, все так легко. Пошла вчера вечером в другой притон и познакомилась с ужасно милым убийцей Хайни Лимонником, настоящее имя какой-то Сальваторе. После трех стаканов он признался мне, что это он убил Ротстейна. Боже!

12 мая. Комиссар Малруни оказался прав. Эти гангстеры — слабый противник. При виде хорошенькой мордашки и стройных ножек они буквально теряют разум, и причина, что в Нью-Йорке до сих пор не раскрыто множество преступлений, кроется как раз в том, что у большинства детективов лица не красивые, а ножки не стройные. Эти гангстеры из кожи вон лезут, чтобы выдать мне свои тайны.

14 мая. Прошлой ночью посетила несколько притонов. Моя политика состоит в том, чтобы заставить гангстеров насадиться как следует, а сама я только делаю вид, будто пью с ними, но на самом деле выплескиваю виски через плечо. Я научилась этому у Джейн Каул в какой-то пьесе. Она ужинала в полночь с одним хамом, да еще в его квартире, и должна была быть начеку, чтобы суметь защитить свою честь.

17 мая. Вот что я разнюхала: в убийстве Элуэлла замешан не один человек. Несколько других гангстеров тоже доверительно сообщили мне, что убили его.

20 мая. Ходила вчера в один притон с ужасно милым гангстером Патси Латышом, настоящее имя Стуйбесант. Подвыпив, он сказал мне, что он «уколлил Билла». Это, вероятно, значит, что он «убил Колла».

22 мая. Прошлую ночь провела в притоне с одним блатным по кличке Оле Поляк. Продолжала выплескивать виски через плечо, пока какой-то человек, сидевший позади меня, не обернулся и не сказал, что он страдает простудами и не буду ли я любезна не мочить его. Я так и обмерла.

25 мая. На сегодняшний день: восемнадцать парней убивали Элуэлла, двадцать семь замешаны в деле Ротстейна, а бедного Винсента Колла, похоже, списывали все. Однако мой девиз: пусть походят на свободе, арестовывать пока не собираюсь никого.

26 мая. Инспектор Маккуферти спросил вчера, движется ли у меня дело с распуыванием кражи акций на 450 000 долларов. Он сказал, что тревожится, поскольку эти самые акции уже упали в цене до 45 000. «Не беспокойтесь, инспектор, — заверила я его, — мне кажется, у меня есть кое-что важное». Тут, быстро, но внимательно оглядев меня, вмешался один молодой хлыщ-детектив: «Ну еще бы!» Салага! Эх, и поезжу я на нем, когда стану сержантом!

27 мая. Джека почти не вижу. Он сходит с ума.

28 мая. Дела усложняются. Френчи заявляет, что Хайни не убивал Ротстейна, что его убил он (Френчи), а Хайни говорит, что Френчи не убивал Элуэлла, что убил его он (Хайни). В притонах все время перепалка. Они все, похоже, поубивали всех.

29 мая. Пошла вчера на хитрость. Решив застать ребят врасплох, я неожиданно крикнула: «Кто украл акции на 450 000 долларов?» (Это называется допрос с пристрастием.) Все крикнули в ответ: «Я!»

30 мая. Я уже почти готова к массовым арестам. Ребята выболтали все. Мне наверняка понадобится несколько тюремных карет. Комиссару Малруни будет чем гордиться!

2 июня. Можете представить, кого полиция арестовала вчера за кражу акций на 450 000 долларов, прежде чем я успела провести свою большую облаву? Не кого иного, как инспектора Маккуферти и — из всех людей! — моего Джека! Я и понятия не имела, что они знакомы друг с другом.

3 июня. Если это сделали Джек с инспектором, почему же тогда все гангстеры заявили мне, что это они? Не все спокойно в Датском королевстве.

4 июня. Джека и инспектора задержали, но всего лишь за мелкую кражу, поскольку стоимость этих акций упала уже до 45 долларов. В полиции мне сказали, что ни один из моих гангстеров не имеет ни малейшего отношения к делам Колла, Ротстейна или Элуэлла. Полиции, мол, известно, кто их убил и что это совсем не те парни, которые признавались мне. А как же с Маккинли?

6 июня. Веселая и грустная, пошла вчера в притон. Все ребята были там. Я спросила их, что все это значит. Они, казалось, немного смутились. Наконец Френчи сказал: «Видишь ли, золотко, мы знали, что ты хочешь выудить у нас тайны, и старались помочь тебе, как могли. Дело в том, что с самого первого раза, как ты здесь появилась, мы все в тебя вторились». Я спросила, откуда он узнал, что я хотела выудить у них тайны. Он сказал, что одна старая карга — из тех, что я побила при приеме на работу, — по злобе меня заложила. «И вы, значит, все это время все знали?» — спросила я. Они сказали: да. Я заплакала, и они все бросились меня обнимать, а Хайни сказал: «Пожалуйста, не плачь, сестренка. Мы ведь хотели помочь. У нас и в мыслях не было ничего дурного». Не успела я оглянуться, как и они все заплакали. Так что мы помирились и здорово провели время, а перед тем, как мне уйти, каждый из этих милых ребят по очереди отводил меня в сторонку и просил быть его марухой. Но я люблю только Джека, так что мне пришлось признаться им, что я люблю другого и не могу быть их марухой, но что я всегда буду им сестрой.

7 июня. Потрясающие новости. Джек и инспектор оправданы. Судья вынес оправдательный приговор на том основании, что любой, кто в наше время ворует акции, наверняка не в своем уме. А что, вы думаете, сделали Френчи, Хайни и другие ребята? Они избрали меня своей почетной марухой. Я очень горжусь этим и счастлива.

10 июня. Сегодня уволилась из полиции. Этого хотел Джек.

